

Протоиерей Владимир Сергунин,
первый проректор Тамбовской духовной семинарии

Новые факты в исследовании наследия архиепископа Михаила (Чуба)

Основным научным интересом архипастыря и богослова архиепископа Михаила (Чуба), 30-летие со дня кончины которого приходится на 25 апреля 2015 года, было изучение жизни и творений святителя Мефодия Олимпийского, но этой темой не исчерпывались его богословские интересы.

Управляя епархиями Русской Православной Церкви в разных уголках нашей страны, он неизменно интересовался местными святынями. Так, будучи архиепископом Тамбовским и Мичуринским, владыка много времени уделял работе по составлению списка святых для собора Тамбовских святых и списка архиереев Тамбовских.

В 2011 году в газете «Моздокский вестник» была напечатана ранее неизвестная статья с авторством архиепископа Михаила «Православная святыня в Моздоке» о Моздокской иконе Божией Матери с небольшим предисловием его бывшего иподиакона Владимира Захарова.

Моздок является административным центром Моздокского района Северной Осетии. Моздокский район граничит на севере и северо-востоке со Ставропольским краем, на западе – с Кабардино-Балкарией, на юго-востоке – с Чеченской Республикой, на юге – с Правобережным районом Северной Осетии.

Управляющим Ставропольской и Бакинской епархией епископ Михаил был с 1962 по 1968 год. По свидетельству ставропольского историка Т.А. Булыгиной, «владыка неоднократно служил в Моздоке». Этим, по всей вероятности, и объясняется его интерес к моздокской святыне.

Из истории христианства на Кавказе¹

В 1976 году я приехал в Тамбов в гости к своему дорогому владыке Михаилу Чубу (1912–1985). Он уже несколько лет возглавлял Тамбовскую и Мичуринскую кафедры. Я прожил у него несколько дней. Он много рассказывал о владыке Луке (Войно-Ясенецком), с которым их связывали годы большой дружбы. Владыка Лука участвовал в хиротонии епископа Михаила и с тех пор был, по сути, его духовником.

Владыка Михаил также говорил о своих разысканиях рукописей и писем епископа Игнатия (Брянчанинова).

В ту неделю архиепископ Михаил дважды служил в соборе, и я иподиаконовал ему, как это было и раньше, когда он жил в Ставрополе, Воронеже.

Прощаясь со мной, владыка передал мне две свои рукописи: «Древнерусские плащаницы» и «Православная святыня в Моздоке» и сказал: «Я надеюсь, что настанет время, когда ты сможешь опубликовать мои статьи и их прочтут в России. Я верю, что это произойдет. Знаешь, Владимир, мне предлагали напечатать статью о плащаницах в сборнике Академии наук, но сказали, чтобы я слово „Бог“ написал с маленькой буквы, так же, как и Матерь Божия, и вообще убрал бы все прописные буквы, которые мы, верующие, употребляем. Я не мог позволить такого кощунства и отказался от публикации».

Сегодня это время настало.

История Моздокской иконы Божией Матери началась несколькими веками раньше, чем история города, давшего ей впоследствии наименование. С этой иконой соединены многие воспоминания о судьбах христианства на Кавказе.

Икона Божией Матери, известная теперь под именем Моздокской, явилась к осетинам в начале XIII века как знаменательный символический дар, полученный от грузинской царицы Тамары (1184–1213). По ее распоряжению, как повествует об этом предание, искусный живописец написал копию великой святыни

¹ К публикации подготовил протоиерей Владимир Сергунин. Печатается по: «Моздокский вестник». 2011. 6 апр.

грузинского народа – Иверской иконы Богоматери – специально для христиан-осетин. И эта, вновь написанная, икона была направлена св. Тамарой в Осетию как знак особого внимания к соседнему народу, родственному грузинам по вере.

В те давние времена уже существовали многосторонние и разнообразные связи между различными христианскими народами, как жившими в непосредственном соседстве, так и находящимися на далеком расстоянии один от другого. Эти связи нередко приводили к бракам, которые заключались между членами семейств правителей различных христианских государств, а также браки в свою очередь содействовали укреплению вышеуказанных связей.

Святая Тамара, приславшая в дар осетинам Богородичную святыню, была дочерью грузинского царя Георгия III и осетинской царевны Бурдухан. Первым мужем царицы Тамары был князь Юрий – сын русского великого князя святого Андрея Боголюбского. Вторым браком она была повенчана с осетинским царевичем Давидом Сосланом.

С именем царицы Тамары связаны одна из самых замечательных эпох национального и культурного расцвета Грузии, а также значительное оживление миссионерской работы проповедников христианства, трудившихся на ниве Евангельского благовестия и в самой Грузии, включая ее отдаленнейшие уголки и на соседних с Грузией территориях, в частности, в областях, населенных осетинами как на южном, так и на северном склонах Кавказского хребта.

Миссионеры, посланные царицей Тамарой, отчасти продолжили, отчасти возобновили то, что было сделано их предшественниками. Как известно из церковной истории, начало христианства у осетин относится еще к апостольским временам. Впоследствии среди осетин много потрудились византийские миссионеры. Византийские официальные документы именовали осетин аланами. Христиане-аланы первоначально были причислены к Понтийскому диоцезу Константинопольского Патриархата. Патриарх Николай Мистик (X век) основал у аланов архиепископию, ставшую впоследствии митрополией. Судьба этой древней Аланской митрополии была чрезвычайно осложнена множеством исторических невзгод, а христианство среди осетин подвергалось в течение веков самым тяжелым испытаниям и жестоким гонениям: в древнейшие времена со стороны соседних языческих народностей,

а впоследствии – со стороны завоевателей из Персии и Турции. Много бед принесло осетинам и татарское нашествие.

В XIII веке при деятельном участии миссионеров, посланных царицей Тамарою, происходили восстановление и укрепление христианства у осетин, причем исключительно важную роль при этом играло ознакомление осетин с культурой соседней Грузии.

За эпохой, отмеченной мощным и плодотворным воздействием, шедшим из Грузии, последовал период блестящего национального возрождения осетин, хранивших свою христианскую культуру от посторонних враждебных воздействий. К сожалению, этот период расцвета был непродолжителен, и для Осетии наступила пора тяжелых испытаний, в ходе которых христианство у осетин было фактически почти полностью забыто. О его расцвете свидетельствуют лишь немногочисленные исторические напоминания.

От славной некогда Аланской митрополии в настоящее время сохранились скудные археологические памятники византийской эпохи и еще более скудные летописные известия. Возрождение христианства в Осетии при царице Тамаре оставило на себе более ощутимые вещественные свидетельства в виде повсеместно встречающихся развалин храмовых и монастырских сооружений в грузинском стиле, остатков фресковой росписи и различного рода письменных свидетельств.

Своеобразными памятниками вторичного расцвета христианства в Осетии являются обычаи, имена, праздники и оригинальные редкостные предания, сохраняющиеся веками в среде осетин, несмотря на то, что официально христианство считалось здесь вытесненным.

Но без всякого преувеличения можно утверждать, что благоговейная любовь немногочисленных осетин, оставшихся среди всех испытаний верными христианству, к их заветной святыне – присланной царицей Тамарой иконе Богоматери, – является самым замечательным свидетельством эпохи вторичного распространения христианства в Осетии, это свидетельство выдержало многовековое испытание в самых тяжелых условиях. Характерно то обстоятельство, что даже те осетины, которые отошли от христианства, выражали свое почтение к этой национальной святыне.

Икона Матери Божией находилась длительное время в селекции Майрами-Кау в Куртатинском ущелье. Церковь, в которой

находилась икона, трижды горела, но икона каждый раз чудесно сохранялась. Эти чудеса прославили образ Пресвятой Богородицы как новую Неопалимую Купину, к которой с надеждой обращались осетины, томившиеся под игом поработителей. Следует отметить, что, несмотря на подавляющее превосходство сил у завоевателей, осетины, никогда не складывавшие полностью своего оружия, продолжали вести освободительную войну против захватчиков, и как нация не были ими полностью поработены. Но насильники веками держали осетин, точно в природной темнице, в почти недоступных горных ущельях и тесницах. Загнанным в эти ущелья осетинам приходилось страдать от безземелья и от сурового климата, почти не имея связей с внешним миром.

Святая икона Богоматери была для многих жителей Северного Кавказа настоящим проповедником христианства, миссионером, напоминанием об утерянных духовных ценностях – так выразился однажды об этой иконе приснопамятный святитель Игнатий (Брянчанинов), возглавлявший сто с небольшим лет тому назад Кавказскую и Черноморскую епархии.

Шли десятилетия и века. Истерзанная чужеземными завоевателями Осетия вместе с другими поработченными народами Северного Кавказа стала пристально всматриваться в зарождающуюся на далеком Севере могучую силу и искать в ней поддержки.

Это была Россия, сбросившая татарское иго, изгнавшая со своей территории вторгавшихся извне завоевателей, утверждавшая шаг за шагом свое могущество в тех областях, которые долгое время служили рассадником кочевых племен, совершавших свои разбойничьи набеги на русские селения и города.

Помощь, которую искали у России против персов и турок народы Грузии, Осетии, Кабарды и других этносов Кавказа, первоначально была сравнительно слабой и непостоянной: слишком много накопилось у России других неотложных задач, для удовлетворительного разрешения которых далеко не всегда хватало средств и сил. И, тем не менее, круг вопросов, входивших в комплекс кавказских интересов Русского государства, уже с конца XVI века занимает определенное место в истории дипломатии Московского правительства.

Проблемы помощи единоверному народу и поиски возможных путей восстановления христианства у осетин уже тогда

переплетались с вопросами и задачами государственного порядка. В XVII веке начинается история властного влияния России на дела и отношения Кавказа.

В XVIII веке это влияние приобретает исключительно большие размеры. Оборонительные линии, сооружаемые русскими для защиты от набегов горных феодалов, постепенно приближались к ущельям Осетии. Одна из таких линий протянулась от Кизляра к урочищу «Мздогу» (по-кабардински это означает густой, дремучий лес). Здесь в 1763 году основана крепость Моздок, которая с самого своего появления сделалась центром нового распространения христианства на Кавказе. Уже в 1764 году в Моздоке открыли первую школу «для детей осетинских и прочих горских народов». Подавляющее большинство учеников школы за все время ее существования (1764–1792) было из осетин.

Школа, несмотря на скудость средств и многочисленные недостатки в постановке преподавания, устройства быта учеников, играла положительную роль в деле просвещения осетин и их общения к русской культуре, а также укрепления дружественных отношений между Осетией и Россией. Наиболее способные ученики, оканчивавшие школу, направлялись в Астраханскую духовную семинарию.

В Моздоке в 1771 году учредили Осетинскую духовную комиссию с целью восстановления христианства у осетин. (Эта комиссия была создана по инициативе грузинского духовенства еще в 1745 году. Первоначально в состав комиссии включили клириков и мирян только грузинской национальности.) Обосновавшаяся в Моздоке Осетинская комиссия получала в том же, 1771 году, от Священного Синода специальную инструкцию по ведению миссионерской работы среди осетин. Инструкция эта, очень подробная и обстоятельно разработанная, по существу, является первым по времени официальным руководством для русских миссионеров. Обращает на себя внимание исключительно гуманный дух инструкции, который категорически запрещал миссионерам какие бы то ни было насилия над совестью тех, к кому они посылались на апостольское служение.

В инструкции сказано буквально следующее: «Повеление, угрожение и строгое с утеснением взыскание есть насильство совести. Оно е язычника или магометанца не только к Богу или

христианству не приведет, но паче ожесточит, и то есть самое противу слова Божия злочестие». Инструкцией предусматривается необходимость проповеди среди осетин на их родном языке.

В 1774 году, после победоносного окончания войны с Турцией (Кучук-Кайнарджийский мирный договор от 10 мая 1774 года), Россия приобрела еще больший авторитет среди народов Кавказа, привыкших в течение столетий со страхом осматриваться на турок и их вассалов.

Наступило время, когда инициатива осетин, искавших у России помощи против своих врагов, получила в Петербурге полную поддержку. Для переговоров о присоединении Осетии к России в том же, 1774 году, в Моздок прибыла специальная осетинская делегация и встретила здесь с полномочным представителем Русского правительства – астраханским губернатором Кречетниковым. В Моздоке был решен вопрос об окончательном присоединении Осетии к России, и, таким образом, совершилось то, что было заветной мечтой Осетинского посольства в Петербурге в 1749–1752 годы.

В 1793 году с целью улучшения миссионерского дела среди осетин в Моздоке учреждается самостоятельная архиерейская кафедра. Основанная кафедра существовала недолго, до 1814 года. Первым епископом вновь открытой епархии стал Преосвященный Гаий (до епископства – начальник Осетинской духовной комиссии, по национальности грузин).

Отсутствие собственной письменности и азбуки у осетин служило препятствием для распространения в их среде просвещения. Преосвященный Гаий в самом начале своего архиерейства повторил для осетин ту великую любовь, что совершили за девять столетий до него святые равноапостольные братья Кирилл и Мефодий для славян: составил осетинский алфавит и озаботился его практическим применением.

В 1798 году епископ Гаий издает в Москве в Синодальной типографии осетинскую азбуку и сокращенный катихизис, получивший название: «Начальное учение человекам, хотящим учиться книгам Божественнаго Писания». Эта первая книга на осетинском языке издана таким образом, что ее содержание передано двумя параллельными текстами: церковно-славянским и осетинским.

В основу осетинской азбуки епископ Гаий положил кириллицу, иными словами – церковно-славянский алфавит. Таким образом, осетинский язык был первым языком народа, вновь получавшего письменность, для азбуки которого взяли славянское написание. (Спустя некоторое время ученые-лингвисты внесли небольшие поправки в труд Преосвященного Гаия, но его инициатива и заслуга в деле создания осетинской письменности этим нисколько не умаляются).

Имеются сведения, что в это же время и в Моздоке была устроена типография для печатания книг на осетинском языке. Моздок становится культурным центром для осетин, не теряя при этом своего значения как крепости русского владычества на Кавказе и возрождения христианства у осетин. В конце XVIII века он сделался самым крупным населенным пунктом на всей Кавказской линии, стягивавшим к себе пути, по которым русская культура проникала в среду народов Северного Кавказа.

В начале епископства Преосвященного Гаия совершилось перенесение в Моздок древней святыни осетин – иконы Богоматери, присланной им царицей Тamarою в XIII веке. Группа осетин из Куртатинского ущелья получила позволение переселиться на плодородные равнины Терской линии в окрестностях Кизляра (Дагестан). Переселяясь, они взяли с собою и заветную святыню – икону Божией Матери. Остановившись на ночлег в предместье Моздока, переселенцы, как повествуется в сказании об этой святой иконе, видели в сумраке ночи необыкновенный свет, сиявший над той арбой, на которой находилась икона, и распространявшийся на всю окрестность. Утром переселенцы запрягли волов и хотели двигаться дальше, однако волю, запряженные в ту арбу, где находилась святыня, несмотря ни на какие понуждения, не двигались с места.

Один из переселенцев слышал ночью голос, повелевавший ему оставить икону на том месте, где стояла арба. Переселенцам, спешившим на избранное ими место жительства, очень не хотелось расставаться со своей святыней, но они не посмели ослушаться столь явственных указаний.

Так древняя икона Богоматери, присланная в благословение осетинскому народу царицею Тamarою, осталась в Моздоке и получила наименование «Моздокская».

В сказании о Моздокской иконе сохранились сведения о том, что она едва не исчезла вскоре по закрытии Моздокской епархии, но по усиленной молитве местного православного населения – осетин и черкесов – оставлена на месте.

В XIX веке многое из того, что было сделано Осетинской духовной комиссией и ее миссионерами, подверглось испытаниям. Интриги туркофильской партии на Северном Кавказе нанесли ущерб делу православной миссии на Кавказе. Происходили многочисленные отпадения от христианства и соращения в иные веры отдельных лиц, официально ставших христианами, и семейств, и даже целых селений. Тайной целью испуленных агентов иных вер было стремление подорвать у осетин и соседних народностей духовные связи с Россией и ослабить русское влияние на Кавказе.

Но, несмотря на невзгоды, семя христианства, так часто заглушавшегося здесь различными сорняками, не погибло. Великую роль в деле сохранения православной веры в душах человеческих играла исконно многовековая привязанность осетин к их родной святыне – прославленной иконе Божией Матери, к которой многие из них вместе с православными людьми других национальностей продолжали с верою прибегать во всех нуждах и обстоятельствах жизни.

В настоящее время чтимые точные списки с чудотворной Моздокской иконы Божией Матери являются священным украшением и средоточием молитвенного прославления Божией Матери в храмах Моздока и г. Прохладного.

Празднование Моздокской иконы Божией Матери совершается дважды в год – в праздник Преполовления Пятидесятницы и в день Успения Богоматери.

На праздники прибывают богомольцы различных национальностей, благоговейно чтущие милостивую Заступницу рода христианского.